

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛЬВОВ ИЗ МЕГРАДЗОРА

ЛЕОНИД БИЯГОВ

Экспедиция Института археологии и этнографии АН Армянской ССР летом 1982 г. провела исследование могильника и крепости, расположенных на горе «Гоколи карер» близ с. Меградзор Разданского района. Могильник расположен на западном и южном склонах горы и состоит из многочисленных погребений типа каменных ящиков. Экспедицией было раскопано 21 погребение, давшие большой и разнообразный материал в виде предметов вооружения, украшений и керамики, датированных эпохами поздней бронзы и раннего железа, т. е. XIV—IX вв. до н. э.

Мы рассматриваем лишь материал двух погребений—одного, раскопанного под номером 10 «Б», и другого, обнаруженного случайно при строительстве железной дороги Раздан—Иджеван, проходящей через могильник. Материалы этого погребения были собраны жителем с. Меградзор Ц. Оганяном¹ и условно занумерованы нами как погребение № 22. Комплекс изделий из последнего состоит из крупного горшка и миски черного цвета с матовой поверхностью, хорошо известных из памятников Армении эпохи поздней бронзы. Здесь же были найдены два целых, хорошо ретушированных обсидиановых наконечника стрел и один фрагментарный кремневый. Все они имеют миндалевидную форму с прямоугольником в нижней части для закрепления древка. Подобные стрелы хорошо известны из раскопок Лчашена, Артика, Нор Баязета, Камо, Реджин-лагеря². Интересной находкой этого погребения является бронзовый кинжал с трубчатой рукоятью, прямоугольной обоймой и прорезным навершием крестообразной формы (рис. 1). Наличие обоймы, соединяющей рукоять с клинком,ближает его с кинжалами из Лчашена³, первой группы погребений арктического некрополя⁴, Кармир-берда⁵ и более позднего Айриванка⁶, что позволяет датировать его XIV—XIII вв. до н. э.

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность Ц. Оганяну, большому любителю древности, собравшему и сохранившему столь ценный материал. К сожалению, фрагментарная керамика им не была собрана и осталась под полотном железной дороги.

² С. А. Есаян, Оружие и военное дело древней Армении, Ереван, 1966, с. 45, табл. VIII; Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, Ереван, 1963, с. 58, рис. 7; его же, Древняя культура Ширака, Ереван, 1975, с. 181, рис. 89.

³ С. А. Есаян, Оружие и военное дело древней Армении, рис. 1.

⁴ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, рис. 28.

⁵ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, с. 28.

⁶ С. А. Есаян, Оружие и военное дело древней Армении, табл. XI.

Однако самой важной и интересной находкой этого погребения является уникальная секира (рис. 2). Она небольшая и имеет тулово округлой формы с заостренными лезвийной и боковыми сторонами. Трубчатый обух ее закрыт спереди и украшен четырьмя рельефными валиками и прорезными ромбами и треугольниками. Подобный валикообразный орнамент часто встречается на трубчатых втулках копий

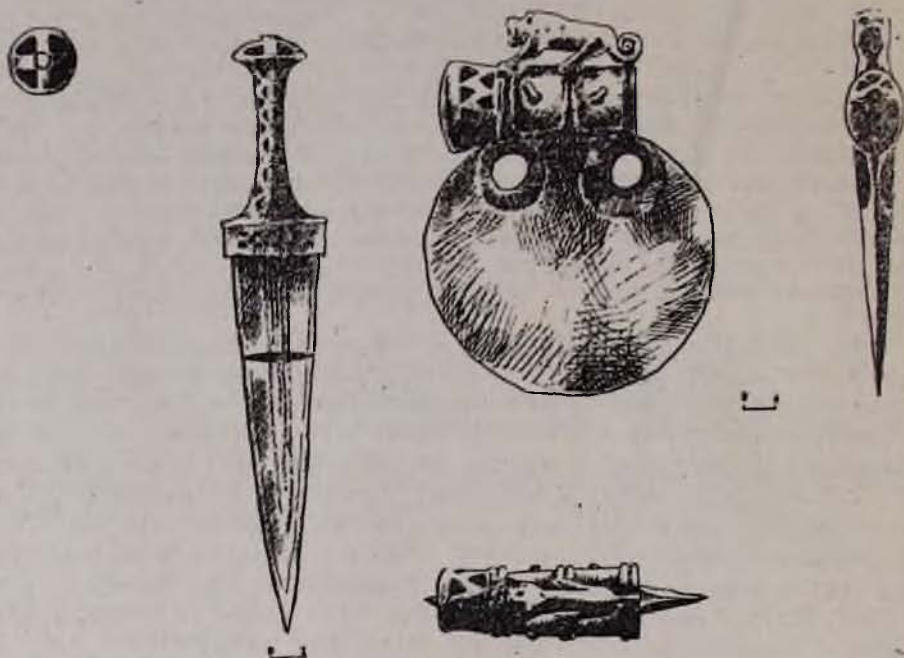

Рис. 1.

Рис. 2.

XIII—XII вв. до н. э., известных из Артика⁷, Ноемберяна и Норашена⁸. Часты они и в Грузии (Самтавро и Кахетия)⁹, а в единичных экземплярах встречаются на Северном Кавказе и в Дагестане¹⁰.

В верхней части обуха рассматриваемой секиры из Меградзора расположены два сквозных отверстия с сохранившимися в них бронзовыми гвоздями для закрепления рукояти. Тулово секиры в верхней части имеет два крупных сквозных отверстия со скошенными краями. По своей форме эта секира почти полностью совпадает с аналогичной секирой из погребения № 107 артикского некрополя, датируемого первым периодом эпохи поздней бронзы (XIV—XIII вв. до н. э.), отличающаяся лишь трубчатой формой обуха, в то время как обух артикской секиры является прямым продолжением ее тулова и украшен двумя

⁷ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, рис. 116.

⁸ С. А. Есаян, Древняя культура племен северо-восточной Армении, Ереван, 1976, с. 104.

⁹ К. Н. Пицхелаури, Древняя культура племен, населяющих территорию Иоро-Алазанского бассейна, Тбилиси, 1965, с. 134.

¹⁰ В. И. Морковин, Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни («Краткие сообщения Института археологии», М., 1964, вып. 98, с. 84); его же, Дагестан и Чечня в древности, М., 1969, с. 90.

волнистыми линиями и двумя шишкообразными выступами¹¹. Обух секиры из Меградзора венчает скульптурка льва. Хищник изображен как бы в момент прыжка—передние лапы его слегка вытянуты, задние подогнуты, а хвост свернут в кольцо. Во всей фигуре чувствуется напряженность и экспрессия.

Таким образом, меградзорская секира является второй находкой секиры подобной формы в Армении и в Закавказье, и вопрос о происхождении секир занимает важное место. Секиры с отверстиями на тулове в подобушной части известны еще с глубокой древности. Такого типа секиры были найдены в Рас-Шамре, Библосе, Кафар-Даярра, Лебеа и других древневосточных памятниках¹². Однако связать арктискую и меградзорскую секиры непосредственно с древневосточными не представляется возможным, так как в Армении и Закавказье их прототипы отсутствуют.

В связи с этим уместно вспомнить парадную секиру из Иджевана¹³, снабженную планкой-крестовиной, проходящей над обушной частью. Датируется она XV—XIV вв. до н. э. и прототипы ее известны также с глубокой древности—это имеющие более вытянутую форму тулова секиры из царских гробниц Ура¹⁴. Более поздние, усовершенствованные образцы подобных секир происходят из Элама и Луристана¹⁵, что позволяет отнести иджеванскую секиру к ирано-закавказскому культурному ареалу и проследить весь путь заимствования—Двуречье—Элам, в ранний период органически включавшийся в историко-культурный регион раннего Двуречья¹⁶, Луристан и Закавказье. Исходя из этого, можно предположить, что аналогичная картина наблюдается и при рассмотрении арктиской и меградзорской секир. Так, совершенно аналогичный обух имеет одна из лунообразных секир из Луристана—он снабжен валиками, но лишен прорезей и увенчан скульптуркой сидящего льва. Из Луристана происходит и другая лунообразная секира, обух которой увенчан скульптуркой быка. Также из Луристана происходит и секира другого типа с длинным обухом, который украшен скульптурой сидящего льва¹⁷. Две первые секиры К. Шеффер датирует 1400—1300 гг. до н. э.¹⁸, а Э. Порада относит их к более позднему периоду—X—IX вв. до н. э.¹⁹. Интересно также отметить, что в упомянутое время в Луристане бытуют секиры, тулова которых имеют круглые, скошенные по краям отверстия²⁰.

¹¹ Т. С. Хачатрян, Арктикский некрополь, Ереван, 1979, с. 155.

¹² F. A. Claude Schaeffer, *Stratigraphie Comparee et Chronologie de l'Asie Occidentale*, London, 1943, I, 49, 55, 61, 65, 75—76.

¹³ С. А. Есаян, Древняя культура племен северо-восточной Армении, рис. 84, 1.

¹⁴ C. L. Wolley, *Ur Excavations*, v. II, Royal Cemetery, New York, 1934, tabl. 22f.

¹⁵ F. Hancsar, *Kaukasien-Luristan, Eurasia Septentrionalis Antiqua*, IX, Helsinki, 1934, p. 16—18, 61—63; O. Montellus, *Die alteren Kulturperioden in Orient und in Europa*, Stockholm, 1916—1923, II, S. 14—15.

¹⁶ Г. Комороцн, К символике дерева в искусстве древнего Двуречья («Древний Восток и мировая культура», М., 1981, с. 49).

¹⁷ Cl. Schaeffer, указ. соч, табл. 262—264.

¹⁸ Там же, табл. 263—265.

¹⁹ E. Porada, *Alt-Iran*, Baden-Baden, 1962, S. 79.

²⁰ Cl. Schaeffer, указ. соч, табл. 264.

Таким образом, все описанные нами секиры относятся к ирано-южнокавказскому (армянскому) культурному кругу. Однако секиры из Артика и Меградзора, датируемые ранней фазой эпохи поздней бронзы, хоть и относятся к этому кругу, но имеют, по-видимому, местное происхождение. В этом нас убеждает как форма тулова этих секир, отличающаяся от луристанских, так и некоторые различия в изображениях львов.

Скульптурные изображения львов хотя и малочисленны, но уже новы. Иконографически со львом меградзорской секиры сближаются фигурки львов, стоящие на ажурных бронзовых прорезных втулках, надеваемых на деревянные детали повозок из Лчашена, датируемых XIV—XIII вв. до н. э. Здесь хищники имеют удлинённые тела с чуть подогнутыми ногами и длинным хвостом, закрученным на конце петель. Детали крупной головы не подчеркнуты. К лицевой стороне завершии, на которых стоят львы, припаяны небольшие фигурки сидящих лягушек с выпученными глазами и открытым ртом²¹. Эти завершии со львами и лягушками имеют явно местное происхождение, так как здесь наряду с высокохудожественными образцами скульптур быков, оленей и птиц найдено большое количество секир, мелких подвесок, блях, пуговиц и т. д. Они изготовлены не только из обычной бронзы, которая в рассматриваемое время основным легирующим компонентом имела олово и лишь в редких случаях в небольших количествах фиксировались свинец и мышьяк²², но и металлического шлака серебристого цвета. Этот шлак, насколько нам известно, встречается только в лчашенской культуре металлообработки и не мог быть привозным, так как основная часть материала рядовая. К тому же в это число изделий входят секиры закавказского типа, в изломе одной из которых зафиксирована бронзовая сердцевина (около 1/4 общей толщины), покрытая слоем угля, на который нанесен тонкий слой «серебристого» шлака. Естественно, что такая секира не могла служить в качестве боевого оружия, а являлась предметом ритуальным.

Типологически близка к нашей и фигурка льва, венчающая ножны кинжала, происходящего из раскопок Е. Лалаяна в Нор-Баязете и хранящаяся в Государственном музее Грузии. Лев изображен сидящим с подогнутыми задними и вытянутыми передними лапами, обхватывающими концы ажурных ножен. В отличие от лчашенских фигур, у него небольшое тулово, крупная голова с четко отмеченными глазами и слегка приоткрытой пастью. По форме ножен и клинка нор-баязетский кинжал сближается с кинжалами из Лчашена, Кировакана, Айриванка и других памятников Армении эпохи поздней бронзы²³.

В самом конце эпохи поздней бронзы в памятниках Армении и Закавказья появляются предметы, украшенные изображениями львиных голов. К их числу относятся пряжки—крупные, ажурные, инкрустированные цветными камнями или пастой. Они найдены в Арчадзоре, Човдаре и Кировакане²⁴. Таким образом, исходя из вышеописанных па-

²¹ С. А. Есаян, Скульптура древней Армении, Ереван, 1980, с. 28.

²² А. Ц. Геворкян. Древнейшая металлургия и горное дело Армении, (автореф. канд. дис.), М., 1972, с. 19.

²³ С. А. Есаян, Оружие и военное дело древней Армении, с. 62—66, рис. 1—3, табл. XI, рис. 10.

²⁴ К. Х. Кушнарева, Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе («Советская археология», 1957, № XXVII, с. 168, рис. 2); Садыж-

раллелей, нам кажется справедливым предположение, что секиры из Артика и Меградзора отливались на месте под влиянием древневосточных эталонов, сочетавшихся с местными элементами.

Погребение № 10«Б» расположено на южном склоне горы и представляет собой каменный ящик размерами 1,2×1,6 м, ориентированный с севера на юг с небольшим отклонением к западу и глубиной от дневной поверхности 0,9 м. Три стены его были выложены из крупных серых гранитных плит довольно хорошей обработки и лишь южная стена была выложена из мелких камней. Это явно указывает на то, что трупоположение и размещение инвентаря производилось в заранее возведенное погребение через дромос с этой стороны. Погребение было перекрыто двумя более крупными гранитными плитами. Внутри погребения был обнаружен плохо сохранившийся костяк погребенной, которая лежала на левом боку в скорченном положении с подогнутыми к подбородку руками и ногами и лицом, обращенным на восток. По найденным молочным зубам удалось установить возраст погребенной, которой было 6—7 лет²⁵.

По всему погребению была разбросана разбитая при захоронении керамика, представленная фрагментами черных, серых и желтых сосудов в виде одноручных кувшинов, горшков и мисок, украшенных вдавленными волнистыми и прямыми линиями, ромбовидным орнаментом и зигзагом. Ритуал помещения в погребение битой керамики хоть и характерен для погребальных комплексов Армении и Закавказья данного периода и наблюдается почти во всех регионах, однако не был широко распространен. Около головы погребенной было найдено височное кольцо со спиралевидным стерженьком, а около лица, как бы в ладонях, был помещен единственный целый сосуд. Это была черная миска с прямыми бортами, небольшим отогнутым венчиком и округлым дном. Как выяснилось позже, миска была сохранена специально. Она была забита плотной, почти отцементированной землей, просочившейся в погребение и лишь после расчистки ее реставратором Государственного исторического музея Армении В. Оганесяном обнаружили уложенные в нее украшения покойной. Там находились бронзовые браслеты с несходящимися концами, украшенные елочным орнаментом, плоский браслет, кольцо с рифленой поверхностью, второе височное кольцо и большое количество бус из сердолика, яшмы и пасты. Среди украшений была обнаружена и крупная агатовая пуговица темно-розового цвета полусферической в разрезе формы, с вдавленной линией, проходящей у основания (рис. 3). На внутренней стороне ее проделано два овальных отверстия для пришивания. Верхняя часть пуговицы завершается рельефным изображением фигурки лежащего льва. Передние лапы его вытянуты, а задние подогнуты. Четко вырезаны голова с широко раскрытой пастью и большой гривой, а также бедра и хвост хищника. От всей фигуры льва веет покоем.

В памятниках Армении начала 1 тыс. до н. э. (X—IX вв. до н. э.), как датируется это погребение нами, и во всей первой половине 1 тыс. до н. э. изображения львов встречаются крайне редко. Несколько таких изображений в графическом исполнении известны нам на поясах из

з а д е, Древнейшие украшения Азербайджана, Баку, 1971, табл. XVI; С. А. Есаян, Скульптура древней Армении, с. 27, табл. 37.

²⁵ Определение доцента кафедры ортопедической стоматологии Ереванского медицинского института Э. М. Геворкяна.

Кроме фигурок, украшающих изделия из камня, скульптурные изображения львов известны также из бронзы. К их числу относится прекрасное бронзовое изваяние льва из с. Сзнак Кафанского района. Длина ее 20 см, высота 13 см, вес—около 5 кг. Лев здесь изображен также лежащим с подогнутыми задними и вытянутыми передними лапами³³. Исполнение в бронзе и крупные размеры ее позволили древнему скульптору выполнить ряд характерных деталей, отсутствующих на миниатюрных каменных изваяниях. В раскрытой пасти льва из с. Сзнак четко виден страшный оскал зубов, веки его чуть приподняты, а ноздри подтянуты кверху, создавая впечатление чем-то рассерженного хищника, лежащего в напряженной позе, что еще сильнее подчеркивается закинутым на спину хвостом и прижатыми ушами. Другая близкая фигурка льва происходит из урартской крепости Каялыдере (в Мушской долине)³⁴. Она почти полностью повторяет вышеописанную, отличаясь лишь более четко прочерченными деталями головы и размерами: длина—9,3 см, высота—6,4 см.

Не будем останавливаться на других многочисленных изображениях львов в урартском искусстве (фресковой живописи, графическом или скульптурном исполнении), так как все они имеют иные иконографические особенности. Хотелось бы остановиться лишь на одном графическом изображении льва, выполненном на бронзовой votивной пластинке из Сербар-тепе (восточнее Вана). На ней изображен бог Халди, сидящий на троне, установленном на спине льва³⁵. Изображение льва на этой пластинке иконографически близко к скульптуре льва из Каялыдере. Лев на ней также лежит с подогнутыми задними и вытянутыми передними лапами, раскрытой пастью и отличается от каялыдеринской лишь более вытянутой шеей.

Как видим, все рассмотренные нами изображения львов, будь они вырезаны, отлиты из бронзы или прорисованы на ней, имеют весьма близкие иконографические особенности—поза, голова, приоткрытая в оскале пасть и т. д. Все это дает возможность предположить, что меградзорская агатовая пуговица со скульптуркой льва также имеет урартское происхождение. Это предположение имеет большое значение для датировки погребения № 10«Б». Хотя найденные в нем другие вышеперечисленные изделия мы склонны датировать X—IX вв. до н. э., но, по-видимому, время захоронения следует отнести к концу IX в. до н. э., а может и чуть позже, к периоду царствования Менуа, когда урарты появляются в Закавказье.

³³ С. А. Есаян, А. Н. Шагинян, Археологические находки в Зангезуре («Советская археология», 1973, № 3, с. 205, рис. 4).

³⁴ С. А. Barney, A First Season of Excavation at the Urartian Citadel of Kayalidere, Anatolian Studies, vol. XVI. Ankara, 1966, p. 75, fig. 8—9, Pl. IX, a—c.

³⁵ H. J. Kellner, Bronzene Weihe und Votivgaben, Urartu, ein wiederentdeckter Rivale Assyriens, München, 1976, S. 47.

ԱՌՅՈՒՄԻ ՊԱՏԿԵՐՈՎ ԵՈՐ ԳՏԱԾՈՆԵՐ ՄԵՂՐԱՁՈՐԻՑ

ԼԵՈՍԻԴ ԲԻՅՈՒՍՈՎ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

1982 թ. ամռանը ՀՍՍՀ ԳԱ հնագիտության և աղագրության ինստիտուտի արշավախումբը պեղումներ կատարեց Հրազդանի շրջանի Մեղրաձոր գյուղի մոտ գտնվող «Գոբուլի քարեր» դամբարանադաշտում: Պեղվեց քսանմեկ քարակղզային տիպի դամբարան, որոնք ընդգրկում են ուշ բրոնզի և վաղ երկաթի դարաշրջանները, բայց նկարագրվում են միայն երկու դամբարան՝ 10բ և երկաթգծի շինարարության ժամանակ պատահաբար բացված № 22-ը:

№ 22 դամբարանից գտնվել են մի խոշոր կճուճ, մի սև քրեղան, երկու ամբողջական ուստուշված օբսիդիանե և կայծքարե մեկ թերի նետասլաքներ, որոնք լավ հայտնի են Հայաստանի ուշ բրոնզեդարյան հուշարձաններից: Երեք նետասլաքներն էլ նշաձև են և ներքևի մասում ունեն ուղղանկյունաձև փորվածք: Հետաքրքրական է խողովակաձև կոթառով, ուղղանկյուն պահուսնակով և խաչաձև հատված գլխիկով բրոնզե դաշույնը, որը թվագրվում է մ. թ. ա. XIV—XIII դդ.: Բայց բացառիկ գտածո է կտրացող իրանով, սուր սայրով և եղրային կողմերով, երկու կտր միջանցիկ անցքերով խոշոր սակրը, որի փակ խողովակաձև պլուխը դարդարված է ռելիեֆ թմբիկներով՝ կտրտված շեղանկյուններով և եռանկյունիներով: Նույնանման սակր հայտնաբերվել է Արթիկից, բայց Մեղրաձորինը պսակված է ցատկի պատրաստվող առյուծի քանդակով: Նման սակրեր հայտնի են սկսած մ. թ. ա. III հազարամյակից Հին արևելյան հուշարձաններից (Ռաս-Շամրա, Բիբլոս և այլն), բայց դրանց կապը Մեղրաձորի սակրի հետ անմիջական չէ: Դրանք Հայկական լեռնաշխարհ են եկել հետևյալ ճանապարհով՝ Միջագետք—Էլամ—Լուրիստան—Հայաստան: Երկրորդ 10բ դամբարանից գտնվել է կիսակտր, եզրը ոչ խոբր ակոսով կոճակ, որը պսակված է սլառկած առյուծի քանդակով: